

СИРИЙСКИЙ КОНФЛИКТ СКВОЗЬ ПРИЗМУ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

DOI:10.20542/2307-1494-2017-2-46-55

Ключевые слова: ФРГ, Россия, российско-германские отношения, конфликт в Сирии, ИГИЛ, международная коалиция во главе с США, миграционный кризис

Аннотация: В сирийский конфликт оказалось вовлечено большое количество самых разных участников с разным видением ситуации. Россия оказывает поддержку, в том числе военную, сирийскому государству во главе с действующим президентом Б.Асада и правительственным силам, одновременно прилагая усилия по продвижению мирного диалога между правительством и оппозицией. На первых этапах гражданской войны в Сирии ФРГ воздерживалась от участия на чьей-либо стороне в политической дискуссии по поводу дальнейшей судьбы сирийского государства. Однако волна мигрантов из региона Ближнего Востока и Северной Африки, вместе с рядом других факторов, подтолкнула ее к поддержке коалицию во главе с США, которая, с одной стороны, наносила удары по позициям ИГИЛ в Сирии и в Ираке, а с другой – продолжала выступать за смену режима Б.Асада и оказывать поддержку сирийской оппозиции. Цель статьи состоит в том, чтобы проследить, как участие в урегулировании сирийского конфликта сказывается на отношениях между Россией и ФРГ, серьезным образом пострадавших в последние годы от разногласий по кризису на Украине.

Keywords: Germany, Russia, Russian-German relations, conflict in Syria, ISIS, U.S.-led international coalition, migration crisis

Abstract: The conflict in Syria has involved many different participants with diverging views of the situation. Russia supports the Syrian state headed by President B.Assad and the government forces, including through military means, and at the same time promotes a peaceful dialogue between the government and the opposition. At the earliest stages of the civil war in Syria, Germany tried to refrain from supporting any side in the political discussions about the future of the Syrian state. However, a wave of migrants from the Middle East and North Africa, along with other factors, pushed it to back the U.S.-led coalition that, on the one hand, carried out strikes against ISIS in Syria and Iraq and, on the other hand, stood for regime change in Syria and continued to back the Syrian opposition. This article aims to analyze how participation in the settlement of the Syrian conflict affects relations between Russia and Germany that suffered heavily as a result of their disagreements over the crisis in Ukraine.

I.

На сегодняшний день конфликт в Сирии, который имеет и межэтнический, и межконфессиональный аспекты, представляет собой одну из наиболее острых проблем мирового сообщества. Российская Федерация вступила в войну в Сирии после того, как президент Владимир Путин принял соответствующую просьбу президента Сирийской арабской республики Башара аль-Асада. Высокая степень

интернационализации сирийского конфликта, параллельные военные и действия и специальные операции со стороны ряда стран, а также различие позиций по данному конфликту на международной арене – все это оказало прямое воздействие на двусторонние отношения России не только с таким ключевым игроком в мире и на Ближнем Востоке, как США, но с их западными партнерами, включая Федеративную республику Германию.

Глубочайший внутривосточный кризис, которым была охвачена Сирия на фоне событий «арабской весны», к концу 2011 г. перешел в стадию вооруженного конфликта. Большое влияние на эскалацию кризиса оказывала его беспрецедентная транснационализация и интернационализация, включая оказание поддержки оппозиции правительству Б.Асада региональными игроками, среди которых можно выделить Турцию, Саудовскую Аравию и Катар. Стремление сменить действующий в Сирии режим, в котором региональные державы еще в 2010 г. открыто поддержала американская администрация Барака Обамы, стало мощным фактором милитаризации конфликта. Требования ухода президента Асада сочетались с форсированным формированием в качестве альтернативы действующему режиму структур вооруженной оппозиции, которые быстро радикализировались по исламистской линии.¹

Для сирийского руководства отношения с Россией (как, впрочем, и с европейскими странами) традиционно носили важный, во многом привилегированный характер. Важным связующим звеном между нашими странами выступает многолетнее партнерское взаимодействие, пик которого пришелся на советский период.²

Позиция РФ по военной операции в Сирии была сформулирована достаточно четко: Россия защищает в Сирии и свои национально-государственные интересы; Сирия для России является передним краем обороны против радикального исламизма, так как, очевидно, что, в случае гипотетического прихода к власти в Сирии исламистов, следующий удар террористического «джихада» со стороны псевдохалифата ИГИЛ был бы направлен в том числе против России, о чём открыто заявляли лидеры ИГИЛ, угрожая «освободить» регионы Кавказа и юг России.³

Антиправительственные выступления в Сирии были, конечно, связаны и с нарастанием внутренних социальных проблем, включая рост безработицы, а также с этническими и религиозными противоречиями, недовольством значительной части в основном суннитского населения правлением миноритарного республиканского режима алавитской «династии» Асадов и правящей партии «Баас». Однако ситуацию сильно усугубил общерегиональный контекст событий «арабской весны», а также прямые заявления и действия по оказанию поддержки сирийской оппозиции со стороны лидеров США, Турции и большинства стран ЕС, включая Великобританию и Францию.

Среди основных мер, предпринятых по сирийской проблеме на международном уровне с ноября 2011 г., можно выделить следующие:

- прекращение операций странами-членами Лиги арабских государств с сирийским Центральным банком и введение торгового эмбарго против Сирии;
- введение и последующее за ним расширение санкций ЕС на продажу сирийской нефти в европейские государства в мае 2011 г.;⁴
- направление в апреле–мае 2012 г. в Сирию первой группы наблюдателей ООН, в то время, как монархии Персидского залива расширили финансирование повстанцев и поставки им вооружений;

- выступление на стороне действующего правительства Сирии Ирана, осуществившего также переброску своих вооруженных сил;
- подтверждение Российской Федерацией факта поставки со своей стороны оборонительного вооружения правительству Сирии;
- получение сирийским правительством с 2013 г. существенной поддержки со стороны ливанского шиитского движения «Хезболла»;⁵
- формирование в сентябре 2014 г. международной коалиции во главе с США, начавшей наносить воздушные удары по территории Сирии, декларированной целью которых была борьба с «Исламским государством» (ИГИЛ).

Попытки урегулировать конфликт еще на его начальных этапах не были успешными. С лета 2012 г. вооруженное противостояние в Сирии было официально признано гражданской войной со стороны ООН и Международного комитета Красного Креста (МККК).⁶ Постепенно, по мере затягивания конфликта и на фоне массовой гибели ни в чем неповинных мирных жителей и роста потоков беженцев, в международном сообществе стали набирать силу подходы, согласно которым гражданская война в Сирии может быть урегулирована и завершена только посредством политических методов.

7 сентября 2015 г. силы ИГИЛ овладели последним нефтяным месторождением, находившимся под контролем сирийского правительства.⁷ А уже 30 сентября Воздушно-космические силы России приступили к нанесению точечных авиаударов по позициям запрещенных в РФ террористических группировок «Исламское государство» и «Джабхат ан-Нусра» на территории Сирии.⁸ При этом следует иметь в виду, что вмешательство российских вооруженных сил в Сирийский конфликт имело долгую предысторию: российское руководство с самого начала конфликта настаивало именно на дипломатическом урегулировании ситуации, рассматривая прямое военное вмешательство лишь как крайнюю меру.

В ходе воздушной операции в Сирии российская боевая авиация наносила авиаудары⁹ по военной технике, узлам связи, транспортным средствам, складам оружия, боеприпасов и горюче-смазочных материалов, принадлежащим вооруженно-террористическим группировкам джихадистов, в то время контролировавшим значительную часть Сирии.¹⁰ Одним из открыто декларируемых источников разногласий между Россией и США (и, соответственно, партнерами США по коалиции в Ираке и Сирии, в число которых в конце 2015 г. вошла и ФРГ), стали заявления последних о том, что российские авиаудары якобы имели место там, где присутствие ИГИЛ было незначительным, и были в основном направлены против повстанцев, которым оказывали поддержку страны Запада и Персидского залива. Так, типичное заявление представителя коалиции по этому вопросу (в данном случае – полковник Стива Уоррена) состояло в следующем: «ни одна из 12 целей, пораженных российскими самолетами в Сирии... за сутки, не имела отношения к "Исламскому государству"».¹¹ Уже 2 октября 2015 г., т. е. через несколько дней после начала российской операции, лидеры международной коалиции потребовали от РФ более тщательного сосредоточения на ударах по «Исламскому государству».¹²

Россия, в свою очередь, неоднократно указывала, во-первых, на отсутствие законных оснований для действий коалиции во главе с США в Сирии (таких, как согласие правительства страны или решения Совета Безопасности ООН), а во-вторых, на двойственность позиции антиигиловской коалиции во главе с США, которая, хотя и наносила удары по позициям ИГИЛ, имела антиправительственную

направленность и оказывала поддержку в том числе вооруженно-оппозиционным группировкам радикально-исламистского толка.

II.

В начале вооруженного конфликта в Сирии ФРГ держалась в стороне от активных действий в политическом, а тем более в военном планах. В августе 2013 г. правящая элита ФРГ подтверждала свою позицию неприсоединения к военной операции США.¹³ Такая сдержанность официального Берлина в большей мере диктовалось расстановкой внутривнутриполитических сил: оппозиция правящей коалиции в Бундестаге последовательно выступала против военного вмешательства, а общественность, в свою очередь, напоминала о неудачном военном присутствии страны в Афганистане.

Министр иностранных дел ФРГ неоднократно заявлял, что любые военные действия в Сирии должны осуществляться только после их согласования на международном уровне – на уровне ООН. Дипломатический Берлин прикладывал усилия к предотвращению вероятного противостояния РФ и США в сирийском регионе, а также придерживался позиции умеренного сторонника политического решения сирийского вопроса – по крайней мере, вплоть до серии трагических терактов в Париже в ноябре 2015 г., после которых в поведении берлинских верхов произошел перелом.¹⁴

Основной аргумент, выдвинутый германским правительством в пользу поддержки действий коалиции во главе с США в Сирии, заключался в том, что применение силы против объектов ИГИЛ якобы оправдано на основе резолюции 2249 (2015) Совета Безопасности ООН и ст. 51 Устава ООН. Кроме того, отмечалось, что немецкий военный вклад в усилия коалиции станет шагом по поддержке действий Франции и оправдан ст. 42 (7) Договора о Европейском Союзе. Рост экстремизма и террористической активности радикально-исламистского толка на территории самой Германии, а также активная пропаганда ИГИЛ и вербовка им сторонников на территории ФРГ. В 2015 г. число исламистов, выехавших из Германии в Сирию и Ирак, достигло 700 человек (из них треть к тому времени уже вернулась в ФРГ).¹⁵

1 декабря 2015 г. правительство ФРГ объявило о присоединении 1200 солдат к международной коалиции в Ираке и Сирии. Несмотря на то, что этот шаг был неоднозначно воспринят немецким гражданским обществом, 4 декабря 2015 г. парламент ФРГ одобрил план присоединения Германии к международной коалиции. Он был поддержан 445 членами парламента при 146 голосовавших «против». Германия должна была направить на борьбу с ИГИЛ шесть многоцелевых истребителей «Торнадо» для разведывательных целей и самолет-заправщик. Фрегат ВМС ФРГ получил задачу обеспечивать поддержку французскому авианосцу «Шарль де Голль», находящемуся в Средиземном море, а для обслуживания самолетов и фрегата предполагалось командировать около 1200 немецких военнослужащих.¹⁶ Подчеркнем, что использование группировки воздушных и космических аппаратов для сбора разведывательной информации позволило ФРГ и продемонстрировать свою солидарность в отношении своего ведущего партнёра по ЕС, и избежать реального боевого применения сил бундесвера в Ираке, не говоря уже о Сирии.¹⁷

III.

С одной стороны, Берлин выступает за демократическое политическое будущее Сирии и за «новое начало для Сирии» без Башара Асада,¹⁸ считая его «кровавым тираном», который дискредитировал себя. Еще в октябре 2011 г. Германия совместно с Францией, Великобританией и Португалией подготовила проект, предусматривающий немедленное введение санкций против Сирии за неоднократное насилие в отношении протестующих (Россия тогда, с учетом печального опыта западного вмешательства в Ливии, приведшего к фактическому развалу государства, выступила против данной инициативы, высказавшись против вмешательства других государств в дела Сирии). Как отмечали в своих заявлениях депутаты немецкого Бундестага, «режим Асада с самого начала беспорядков с большой жестокостью подавлял народные выступления, тем самым преступно подрывая основы прав человека в арабской республике».¹⁹ Впоследствии все более вовлекаемая в русло политики американской коалиции Германия в контексте сирийской проблемы стала все больше дублировать разногласия с позицией России со стороны США.

Позиция ФРГ относительно операции российских ВКС была обозначена министром иностранных дел Франк-Вальтером Штайнмайером, еще в октябре 2015 г. выразившим опасения немецкой стороны о том, что операция России только накаляет ситуацию в регионе и способствует росту числа потерь среди сирийского народа и сирийских беженцев.²⁰ Такая позиция немецкого руководства наложила дополнительный негативный отпечаток на российско-германские отношения, которые уже и так ухудшились из-за разногласий по поводу Украины.

Когда вопрос о российских авиаударах только обсуждался, канцлер ФРГ Ангела Меркель уже дала понять, что их реальное осуществление не окажет благоприятного влияния на российско-германские отношения. Она, в частности, отклонила предложение министра экономики ФРГ об отмене санкций против России, выдвинутое с объявленной целью помочь положить конец гражданской войне в Сирии.²¹ Такой подход правительства ФРГ был тесно связан с жесткой позицией Германии по урегулированию украинского кризиса: прекращение «санкционной политики» ФРГ по отношению к России, с точки зрения немецкой элиты, связывалось, в первую очередь, с «прогрессом» (т. е. односторонними уступками России) в этом вопросе. Правда, в немецких правящих кругах имелись группы, поддерживающие мнение ряда экспертов о том, что сотрудничество с Россией по Сирии отчасти могло бы помочь продвинуть и решение украинского вопроса. 16 ноября 2015 г. министр иностранных дел ФРГ даже заявил, что не исключает попытки РФ отвлечь внимание от украинского кризиса путем наращивания военного присутствия в Сирии.²²

С другой стороны, Ф.-В.Штайнмайер неоднократно призывал Россию и США к скорейшему поиску политического способа урегулирования в Сирии, так как из всех стран Европы именно Германия стала эпицентром наплыва беженцев из охваченного конфликтом региона. «Сейчас мы должны с одной стороны убедить Россию и США не использовать свое военное участие так, чтобы все закончилось конфликтом между этими двумя странами», – подчеркнул он, выступая с правительственным заявлением в бундестаге.²³ Вице-канцлер ФРГ Зигмар Габриэль также выступил против «идеологического бичевания» России и попыток ее изоляции, так как сирийский кризис нельзя разрешить без российского участия²⁴ – впоследствии этот тезис был даже поддержан А.Меркель в одном из ее выступлений.²⁵

В целом Берлин все же придерживался более умеренной позиции по Сирии и роли России в сирийском урегулировании, по сравнению не только с Вашингтоном, но и с Парижем. ФРГ отдавала должное установке России на то, чтобы во имя окончания войны и формирования переходной администрации был продолжен и интенсифицирован переговорный процесс.²⁶ Как отмечал министр иностранных дел ФРГ на совместной пресс-конференции с С.В.Лавровым в марте 2016 г.: «Политическое урегулирование конфликта осуществляется при тесной кооперации», подчеркнув, что за последнее время по сирийскому вопросу наблюдается продвижение больше, чем за последние пять лет и что важно активнее привлекать к переговорному процессу сирийскую оппозицию.²⁷

Следует подчеркнуть, что в последнее время для ФРГ проблема двойственности такой позиции несколько упростилась – а поддержка ею приоритета процесса мирного урегулирования, даже ценой отхода на второй план предпочтения в пользу ухода Асада стала более явной. Определенную роль в этом сыграла некоторая корректировка курса США после смены администрации и декларированного Д.Трампом приоритета борьбы с терроризмом, а не смены режима в Сирии. Однако в более широком плане, это происходит по мере того, как, на фоне военных успехов правительственных сил при поддержке России и постепенного разгрома основных формирований ИГИЛ силами обеих коалиций (во главе с Россией и с США), в Сирии стартовал и, несмотря на все сложности, стал укрепляться режим перемирия, ставший возможным в результате переговоров в Астане (при посредничестве России, Турции и Ирана) и ряда параллельных переговорных треков и создавший основу для возобновления в конце 2017 г. Женевских переговоров по мирному урегулированию.

IV.

Результатом системного кризиса 2010-х гг. на Ближнем Востоке и в Северной Африке (БВСА), включая ослабление или развал ряда государств, ускоренную транснационализацию всех процессов и ряд острых региональных кризисов и конфликтов, стал рост потока беженцев – и просто экономических мигрантов – из этого региона. Миграционный кризис, который перекинулся на страны Европы, стал для Европы одной из острейших проблем, решение которой требует активизации международного сотрудничества.

Сама по себе проблема миграции из стран БВСА содержит в себе несколько аспектов. С экономической точки зрения, неконтролируемый приток населения ложится тяжелым социально-экономическим бременем на принимающее государство, которое вынуждено размещать и содержать беженцев (значительная часть которых при этом является, скорее, экономическими мигрантами).

Если же говорить о проблеме в контексте безопасности, массовая миграция ведет к резкому росту численности групп населения иной национальности, религиозной принадлежности, со своими традициями, культурными особенностями и устоями. Массовый наплыв такого инородного населения неизбежно провоцирует недовольство местного населения, часть которого начинает выступать против мигрантов, что вызывает ответные действия со стороны последних. Сложившаяся ситуация в конечном итоге приводит к дестабилизации общественного порядка и росту преступности в принимающей стране. Так, согласно закрытому докладу Федерального ведомства уголовной полиции Германии, мигранты, приехавшие в ЕС из конфликтных регионов (только официальная численность которых в 2015 г. составило свыше 800000 человек) совершили более 200 тыс. преступлений в

Германии только в 2015 г.²⁸ Большинство правонарушений было совершено сирийцами (24%), албанцами (17%), косоварами (14%), а также сербами и афганцами (по 11%).²⁹

Вместе с беженцами и мигрантами на территорию европейского региона «переезжают» и межконфессиональные и межэтнические трения и конфликты из регионов их происхождения (суннито-шиитские, курдско-турецкие, арабо-израильские и др.). Массовый приток мигрантов-мусульман в Европу обостряет и проблему радикализации и роста экстремизма исламистского толка. Как, в частности, отмечал глава Федерального ведомства по охране конституции Германии Ханс-Георг Маасен: «салафиты действуют в образе филантропов и ассистентов; они намеренно вступают в контакт с мигрантами и приглашают их в определенные мечети, чтобы завербовать для своих целей».³⁰

Германия, как одно из наиболее обеспеченных государств ЕС, является наиболее привлекательной страной для мигрантов (в ФРГ поступает 40% беженцев, прибывающих в Европу). В основном мигранты видят в Германии страну с очень благоприятными для них условиями проживания (ФРГ предоставляет высокий уровень социальных гарантий для лиц, имеющих статус беженца, а также для тех, кто получил политическое убежище). Однако на фоне сирийского кризиса правительство ФРГ само приняло решение открыть государственные границы и призвало другие европейские страны быть солидарными при распределении беженцев.

Официальная позиция федеративного канцлера А.Меркель по решению данной проблемы заключается в том, что «в одиночку с этим социальным бедствием не справиться, неизбежно придется укрепить работу с партнерами по Евросоюзу для распределения иммигрантов, где каждая страна должна взять на себя долю ответственности».³¹

Проводимая Меркель политика «открытых дверей» вызвала неодобрение и ряда государств-членов ЕС, прежде всего тех, что находятся на пути беженцев. Как неоднократно заявлял премьер-министр Венгрии В.Орбан: «Мигранты — не проблема Европы. Это проблема Германии. Власти других стран Восточной Европы так же, как и венгры, выражают готовность принять лишь ограниченное число беженцев, приводя самые разные объяснения своей рестриктивной миграционной политики — от слабой, по сравнению с Западной Европой, экономики до опасности террора или простой нехватки опыта в миграционных вопросах».³²

Определенным прорывом в решении миграционного кризиса стало принятие в Германии закона об интеграции мигрантов, который впервые предусматривает не только государственные программы помощи, но и обязанности самих мигрантов. Меркель указала, что запланированный закон об интеграции призван обеспечить «надежные предложения» для беженцев, которые будут классифицированы как лица с хорошими и не очень хорошими шансами на получение вида на жительство.³³

В то же время для экономических мигрантов, имеющих невысокие шансы остаться в Германии, будут созданы «ориентационные курсы», и на время своего обучения они получают отсрочку на высылку из страны.³⁴

Несмотря на эту и другие попытки правительства стабилизировать ситуацию в этой области и общественные настроения, на фоне массового наплыва беженцев и мигрантов в ФРГ, прежде всего из региона БВСА, все большее распространение получают правоэкстремистские и расистские настроения. Так, наблюдается рост поддержки партии «Альтернатива для Германии» (АдГ), которая прежде была

партией евроскептиков, а сейчас все больше использует лозунги правого популизма. АдГ выступает против исламизации Германии в знак протеста против «навязанного» стране мультикультурализма, подчеркивая, что ислам не вписывается в традиционную немецкую культуру. «Мы хотим сохранить нашу культуру, и мы за свободу вероисповедания. Однако мы говорим «нет» исламу, который во многих проявлениях представляет собой политический ислам с претензией на политическое господство», – заявила вице-председатель партии Беатрис фон Шторх.³⁵

В целом протестные настроения в обществе в последнее время приобретают системный характер и накладывают свой отпечаток на внутривнутриполитическую борьбу. Исходя из результатов региональных выборов в Германии, можно заключить, что правительственная политика по вопросу беженцев не находит поддержки у большинства населения, а сама Меркель постепенно теряет поддержку среди сограждан.³⁶ Сложившаяся ситуация обнажает отсутствие единства и расхождения и внутри партийной системы ФРГ, особенно внутри консервативного блока Христианско-демократического союза и Христианско-социального союза (ХДС/ХСС). Так, одна треть партийцев принципиально не приемлет методов канцлера, вторая – призывает к непереносимой корректировке политики и только оставшаяся треть уверена в правоте Меркель.³⁷

В целом, политика ФРГ по конфликту и урегулированию в Сирии формировалась в соответствии с несколькими приоритетами, включающими защиту «прав человека» (одна из центральных декларируемых целей внешней политики Германии в целом), сотрудничество с ведущими странами для разрешения кризиса, в том числе в целях сокращения числа беженцев из этого региона, и оказание поддержки оппозиции. Позиция ФРГ в отношении роли России и возможности сотрудничества с ней по Сирии, формировалась, однако, не только как производная от совокупности этих приоритетов, но и под влиянием общего ухудшившегося контекста отношений России с Германией, в частности, и с Западом в целом. При том, что ФРГ не играет какой-либо существенной роли ни в сирийском конфликте, ни в процессе его мирного урегулирования, общий контекст взаимоотношений пока накладывает серьезные ограничения и на теоретически более широкий потенциал взаимодействия России и ФРГ на этапе постконфликтного восстановления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гражданская война в Сирии (2011–2016 гг.) // РИА-Новости.
URL: <<https://ria.ru/spravka/20160129/1366798566.html>> (дата обращения: 22.05.2017).

² Сирийская Арабская Республика // Официальный сайт Посольства РФ в САР.
URL: <<http://www.syria.mid.ru/syria.html>> (дата обращения: 22.05.2017).

³ Долгов Б.В. Сирийский кризис // Политическая партия "Коммунистическая партия Российской Федерации". URL: <<http://www.politpros.com/journal/read/?ID=5474&journal=197>> (дата обращения: 22.05.2017).

⁴ Три года противостояния в Сирии // Коммерсантъ. 01.12.2014.

⁵ Syria: The story of the conflict // BBC. URL: <<http://www.bbc.com/news/world-middle-east-26116868>>. (дата обращения: 22.05.2017).

⁶ Ibid.

⁷ Исаев Г. Геополитическое измерение «новой эры» на Ближнем Востоке (Часть II) // Muslim politic. 18.08.2013. URL: <<http://muslimpolitic.ru/2013/08/geopoliticheskoe-izmerenie-novoj-e-ry-na-blizhnem-vostoke-2/>> (дата обращения: 25.04.2017).

⁸ Минобороны: Россия начала наносить точечные авиаудары по позициям ИГ в Сирии // ТВ-Центр. 30.09.2017. URL: <<http://www.tvc.ru/news/show/id/77568>> (дата обращения: 26.04.2017).

⁹ Там же.

¹⁰ В Минобороны России прокомментировали доклад “Amnesty International” и подвели итоги деятельности ВКС РФ в Сирии с 18 по 23 декабря // Министерство обороны Российской Федерации. 23.12.2015. URL: <<http://syria.mil.ru/news/more.htm?id=12072315@egNews>> (дата обращения: 26.04.2017).

¹¹ Россия активизировала военные действия в Сирии // BBC Русская служба. 02.10.2015.

¹² Там же.

¹³ Germany won't participate in Syria strike // Deutsche Welle. 31.08.2013.

¹⁴ Troianovski A. Germany preparing to join fight against Islamic State // The Wall Street Journal. 26.11.2015.

¹⁵ Ликвидированы около 100 немецких исламистов, присоединившихся к ИГ // РИА-Новости. 23.08.2015.

¹⁶ Германия присоединилась к международной борьбе против ИГИЛ // Finam.info. 04.12.2015.

¹⁷ Rede von Dr. Ursula von der Leyen, Bundesministerin BMVg // Plenarprotokoll 18/142. Deutscher Bundestag, 18 Wahlperiode. Stenografischer Bericht 142. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 2. Dezember 2015. – S. 13875C-13876A.

¹⁸ Rede von Außenminister Guido Westerwelle vor der 68. Generalversammlung der Vereinten Nationen am 28 September 2013, New York. URL: <<http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Reden/2013/130928-BM-GV.html>> (дата обращения: 20.05.2017).

¹⁹ Antrag des Deutschen Bundestages vom 14.12.2011. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/17/-_081/1708132.pdf> (дата обращения: 22.05.2017).

²⁰ МИД России: заявления МИД ФРГ не способствуют урегулированию в Сирии // РИА-Новости. 29.10.2015.

²¹ Сирийский кризис не изменит позицию Германии в отношении России // Inforeactor.org. 27.09.2015. URL: <https://inforeactor.ru/6814-siriyskiy-krizis-ne-izmenit-poziciyu-germanii-v-otnoshenii-rossii/> (дата обращения: 26.04.2017).

²² Nienaber M. Syrian crisis won't change German position on Russia – Merkel ally // Reuters. 27.09.2015.

²³ Германия призвала не допустить конфликта России и США в Сирии // Взгляд. 15.10.2015.

²⁴ Встреча с вице-канцлером, министром экономики и энергетики ФРГ Зигмаром Габриэлем // Kremlin.ru. 21.09.2016. URL: <<http://kremlin.ru/events/president/news/50582>> (дата обращения: 26.04.2017).

-
- ²⁵ Merkel will geflüchteten Frauen Mut machen // Die Bundeskanzlerin. URL: <<https://www.bundeskanzlerin.de/Content/DE/Pressemitteilungen/BPA/2015/09/2015-09-11-podcast.html>> (дата обращения: 26.04.2017).
- ²⁶ Сирийский кризис и встреча в Вене: у кого какие интересы? // BBC Русская служба. 30.10.2015.
- ²⁷ Пресс-конференция глав МИД Сергея Лаврова и Франка-Вальтера Штайнмайера 23 марта 2016 г. // RT. 23.03.2016. URL: <<https://russian.rt.com/article/155062>> (дата обращения: 26.03.2017).
- ²⁸ Aktuelle Zahlen zum Asyl. Tabellen. Diagramme. Erläuterungen. Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. 2015. S.3.
- ²⁹ Доклад: в 2015 году мигранты совершили более 200 тыс. преступлений в Германии // Взгляд. 23.02.2016.
- ³⁰ Спецслужбы Германии предупреждают о вербовке мигрантов исламистами // Международный консорциум «ЕвроБеларусь». 20.11.2015. URL: <<http://eurobelarus.info/news/world/2015/11/20/spetssluzhby-germanii-preduprezhdayut-o-verbovke-migrantov.html>> (дата обращения: 20.05.2017).
- ³¹ Кравченко И. Тяжкая роль земли обетованной // Международная жизнь. 2015. № 6. URL: <<https://interaffairs.ru/jauthor/material/1372>> (дата обращения: 20.05.2017).
- ³² Keiner hat hier Flüchtlinge eingeladen // Spiegel.de. 03.09.2015.
- ³³ Ромашенко С. Меркель: В ФРГ впервые примут закон об интеграции мигрантов // Deutsche Welle. 14.04.2016.
- ³⁴ Если такие мигранты успешно пройдут обучение, они смогут получить вид на жительство еще на полгода для поиска рабочего места. Если какая-либо фирма примет «обученного» мигранта на работу, то он получит вид на жительство в ФРГ сроком еще на два года.
- ³⁵ Меден Н. «Альтернатива для Германии» говорит «нет» исламизации и Трансатлантическому партнёрству // Фонд стратегической культуры. 04.05.2016.
- ³⁶ Рейтинг Ангелы Меркель рекордно упал – опрос // Корреспондент.net. 19.01.2016.
- ³⁷ Geis M. Worte gegen die Wut // Zeit Online. 25.10.2015. URL: <<http://www.zeit.de/2015/43/angela-merkel-cdu-kritik-fluechtlinge>> (дата обращения: 20.05.2017).